

Конное войско Романа возвращались в райнитский лагерь, разбитый в южных предгорьях Латранского хребта. Первым двигался корпус белокурой Банталы во главе с самим командующим; за ним неторопливой иноходью поспевали отряды златовласой Кари и огненно-рыжей Пэи. Потом рысил многотысячный табун коней - единственная добыча, захваченная, в этом набеге и удостоенная вниманием лишь потому, что она могла передвигаться своим ходом. Арьергард растянувшейся по степи колонны прикрывала бдительная Харамма, как всегда суровая и настороженная. Однако и на ее обычно хмуром лице нет-нет да проскальзывала улыбка; все шло хорошо, и отношение черноволосой воительницы к новому командиру разительно переменились после первой же выигранной битвы.

Рейд был удачным. Перебравшись через горную цепь Латры - без особых потерь, если не считать двух сорвавшихся в пропасть скакунов, - корпуса меотских всадниц разошлись широким веером, прочесывая местность. Их появление было абсолютной неожиданностью для противника, и амазонки успели продвинуться на сотню фарсатов, не встречая организованного сопротивления. Тут, на севере Эндаса, раскинулись плодородные степи с частыми лесами и перелесками, обильные водой - ручьи, речушки и маленькие озера попадались на каждом шагу. Луговые травы были сочными и сладкими, рощи давали укрытие на ночь, теплый воздух нежил разгоряченные от скачки лица. Лучшего места для конного похода трудно было бы пожелать!

Степной край делился примерно пополам между двумя северными княжествами Эндаса с настолько длинными и звучными названиями, что Роман не пытался их запомнить. Здесь попадались только деревеньки землепашцев, расположенные в двадцати-тридцати фарсатах друг от друга; городки, города и замки князей находились южнее и ближе к побережью. Фактически вся степь на два дня пути в любую сторону была свободна от войск - разведчик установил это после первых же опросов пленных. Он велел отпустить их; эти сухие, жилистые и смуглые крестьяне не представляли никакой опасности. Они не любили своих князей, дравших непомерные налоги, гораздо больше, чем соседей с севера.

Завершив рекогносцировку, Роман собрал свои конные тысячи в единый кулак и двинулся на юго-запад, в сторону прибрежного города Айдин-Тар-эдд-СапоратДильтон, крупного порта, наименование коего примерно означало: "Ворота Запада среди Благоухающих Садов Наслаждений". Садов тут действительно хватало, но, кроме этого, обнаружили, и пять воинских лагерей, в которых сосредотачивались войска для похода на Райну. Две самые крупные базы находились вблизи Айдин-Тара, и туда Роман не пошел. По слухам, на одной из них были собраны пять или шесть десятков "слонов", по случаю прибытия, которых в Эндас местные владыки обложили ремесленников, земледельцев и купцов новым налогом. Никто не знал, на что способны эти звери в бою, но жрали они, как и их погонщики, в три горла. На второй базе дислоцировались войска Его Солнцеликого Величества, нового властелина Эндаса, недавно захватившего престол; там квартировала основная часть пехоты и примерно половина всадников.

Роман решил уделить внимание трем более северным лагерям. В среднем, из них стояло, двадцать тысяч наездников, из южных эндаских пустынь, а фланговые, служили местами сбора для разнокалиберного, и буйного княжеского воинства, более напоминавшего своевольную орду. Конечно, вся эта компания не имела никакого понятия о настоящем укрепленном лагере; конники просто раскинули свои шатры в степи, а окружающие земли превратили в пастбища, не разбирая, растет ли на них трава или местный культурный злак, напоминавший пшеницу. Княжеские же дружины не озаботились даже поставить палатки - если они у них имелись. Их воины спали прямо у костров на кучах сворованного у крестьян сена; костры же, в которых горели срубленные плодовые деревья, были предназначены вовсе не для тепла, а для того, чтобы варить и жарить мясо. Скотом и птицей, естественно, тоже поделились окрестные

селяне.

Поразмыслив и посоветовавшись со своими "генеральшами", Роман нанес удар ночью. С собой он взял корпуса Банталы и Кари и нацелился на эндаских всадников; Харамме и Пэе достались ватаги князей. Для начала пять сотен амазонок отогнали в степь табуны вражеских коней, перебив пастухов и охрану; остальные в это время забрасывали лагерь пылающими стрелами. Когда огонь как следует, разгорелся, и степняки в панике выскочили из шатров, воительницы ворвались в беспорядочное скопище телег, палаток и вопящих людей. Они кололи, рубили и стреляли с такой яростью и убийственной точностью, что у видавшего виды Романа волосы поднялись дыбом. За полчаса эти фурии перерезали всех; пленных они не брали, добыча их тоже не интересовала. Идеальное войско, решил разведчик, эффективное, дисциплинированное и не подверженное грехам пьянства, чревоугодия, насилия и грабежа.

Оставив позади двадцать тысяч трупов и тлеющие головешки, отряды Романа двинулись на север; через три часа, ближе к рассвету, к ним присоединились корпуса Хараммы и Пэи. Потерь, достойных упоминания, не было; и кони, и всадницы выглядели свежими, словно ночная схватка лишь разгорячила их кровь, не лишив задора и сил. Теперь Роман понимал, почему перед этими воительницами трепещут племена и народы по обеим берегам Пенного моря, и в Жарких Странах, и в Айтале, и в северных лесах; сила, выучка, дисциплина и отличное стальное оружие делали их непобедимыми.

За дневной переход они покрыли сто двадцать фарсатов, остановившись в полуденное время на трехчасовой отдых и обед, и теперь, приуставшие, но довольные, приближались к лагерю Тагора. Девушки ехали без шлемов, притороченных к седлам; легкий ветерок развеивал светлые и темные, золотистые, каштановые и рыжие пряди, и Роман, оглядывая ряды своих молодых воительниц, читал на их лицах не только предвкушение отдыха. Нет, в глазах их мерцало что-то еще - странный голод, необычная тоска и нетерпеливое ожидание. Он усмехнулся и потер висок. За трое суток рейда лишь Бантале да охотно подменявшим ее Кари и Пэе достались торопливые мужские ласки; остальным пришлось попоститься.

Ну, в лагере они возьмут свое! Разведчик не знал, насколько далеко зашли дела в совращении его женского войска - или излечении, как он предпочитал называть этот процесс, тянувшийся уже полторы декады. Он, естественно, не мог опросить каждую девушку, и в своих расчетах исходил из недолгих частных бесед с предводительницами трех корпусов. Он знал их теперь очень хорошо: веселую насмешницу Банталу, неистовую в любви; скромницу Карию, молчаливую и нежную, но отнюдь не робкую; рыженькую Пэю с гибким худощавым, но на удивление сильным телом. Все они были зрелыми женщинами, выполнившими долг перед страной: каждая произвела на свет одну девочку в двадцать три года и вторую - в двадцать восемь, как и предписывалось заветами Сата.

С легкой руки и при прямом попустительстве трех генеральш их девушки свели более чем близкое знакомство с молодыми людьми из колесничной гвардии Тагора. Возможно, теперь у всех амазонок Банталы были приятели - как и у каждой второй из отрядов Кари и Пэи. С Хараммой дело обстояло сложнее; в ее корпусе женщины были постарше, а основном - тридцатилетние ветеранши северных походов, суровые, непреклонные, безжалостные. Однако и они начинали заглядываться на могучих чернобородых легионеров, на тех, кто составлял костяк лучших войск империи - старших колесничих, десятников, сотников. Видя это, Роман возносил молитвы за успех своих планов всем богам, начиная от Саваофа и кончая альбийским Тумором. Только бы успеть! Он находился в этом мире уже больше двух месяцев, и срок его визита мог истечь в любой момент.

Однако насчет главного Роман был спокоен. Главное же заключалось в том, что амазонки

Меоты не питали стойкого отвращения к мужчинам - по крайней мере, когда речь шла о настоящих мужчинах. Секс, воспринимался ими - как и повсюду в этом архаичном мире - в качестве естественной человеческой потребности, которую надо было удовлетворять тем или иным путем; они не являлись ни скромницами, ни жеманницами, что выглядело бы весьма странным для тех, кто постоянно имел дело с конем и мечом - а, значит, и со всеми жестокостями войны. Не эротическая тяга только к представительницам своего пола сдерживала их, а совсем другие вещи и обстоятельства. И два из них были важнейшими: связь с меотскими мужчинами не приносила удовлетворения, а чужаки находились под запретом. Древняя традиция запрещала мешать кровь с мужами других народов, и это правило превратилось почти в социальный инстинкт. К счастью, требования тела могли его превозмочь.

Запрет на смешивание крови... Его нельзя было обойти и избежать при том суровой каре; если только нарушительница предпочитала вообще не возвращаться на родину из похода в чужие пределы. Здесь не знали способов защиты от нежелательной беременности, и любые, сколько-нибудь длительные связи с мужчиной становились явными через девять месяцев. Страх перед наказанием, боязнь позора были единственными стенами в той темнице, в которую женщины Меоты загнали сами себя... Да, сами себя! Ибо сила и оружие, в конечном счете, находились в их руках, и они могли за день смести и великого царя, и Пактадион с его чиновниками, и жрецов Сата, и самого Прародителя.

Роман почти не говорил об этом с тремя своими новыми возлюбленными, само собой подразумевалось, что после эндаского похода, в Меоте произойдут некие изменения. Никогда еще столь крупное меотское войско не отдавалось внаем, и никогда его не возглавлял мужчина. И если больше половины молодых воительниц уже согрешили, то они явно не собирались покорно принимать кару. Их было уже шесть тысяч и будет еще больше! И у них есть мужчины, свой у каждой, которые не покинут их. Они черпали силу и уверенность в своем единстве. Наконец, у них были вожди - Бантала, Кария, Пэя... возможно даже Харамма... А у этих вождей имелся главный предводитель, уже не чужак из Альбиона, а умелый и заботливый полководец, преодолевший с ними жуткие ледяные перевалы Латры, выигравший первые сражения. Удачливый человек, сильный, умный, красивый! Претендент номер один на меотский престол. И они были готовы двинуться за ним под зеленым знаменем на штурм Голубого Дворца, за ним, или за теми, кого он укажет.

Бантала подъехала к задумавшемуся командиру и легонько коснулась его локтя.

- Ты только посмотри! - придерживая волосы одной рукой, она вытянула другую в сторону лагеря. - Похоже, милостивый император выстроил целую крепость!

Лагерь, действительно, впечатлял. Земляные валы тянулись по фронту на добрую милю, и в них были прорезаны не одни ворота, как советовал Роман, а трое, сейчас заканчивалось сооружение над ними мощных бревенчатых башен. Бревенчатый же частокол вздымался футов на двадцать и был тоже укреплен башнями, которых Роман насчитал с полсотни. Перед валом и палисадом был ров, к которому от ближайшей речки прокопали канал, через ров шли подъемные мосты, канаты от них тянулись к надвратным башням. Хотя время было довольно позднее, на валах и у ворот копошились тысячи людей, а с пологих горных склонов потоком шли телеги с бревнами.

- Заставил он потрудиться своих бездельников! - женщина довольно кивнула, и Роман понял, что она говорит об императоре. - Вот самое лучшее для них занятие - пусть копают землю, таскают бревна и строят хорошие дома, где можно приятно отдохнуть. А мы будем воевать!

- Ты готова превратить в землекопов даже императорскую гвардию? глаза Романа лукаво

блеснули.

Бантала рассмеялась.

- Нет, для них мои девушки найдут другое применение, если ты не возражаешь!

- Не возражаю. И даже поощряю, - Роман улыбнулся ей в ответ.

- Никогда бы не подумала, что один мужчина сможет так быстро совратить целую армию! - она пыталась справиться с непокорными волосами, которые игриво трепал ветерок - Заветы Сата...

- Видно, и Сат, и его заветы стояли на глиняных ногах, раз они рухнули от одного пинка, - прервал ее Роман. - Теперь надо поддать еще разок... Меня, надо сказать, беспокоит Харамма и ее твердокаменные женщины...

- Пусть не беспокоят, - Бантала, наконец, ухитрилась засунуть свою гриву под воротник плаща.

- Знаешь, о чем она говорила со мной утром?

Роман изобразил внимание; он и в самом деле был заинтересован.

- Ее всадницы перебили ночью уйму народа - в том лагере, куда ты их послал. Харамма прикончила четверых... а, может, пятерых или шестерых... кто разберет в темноте?.. Так вот, она сказала, что раз наши руки способны опустошить мир, наше чрево должно вновь наполнить его людьми. Ты представляешь? А потом спросила, что я думаю о Налбате, командире одного из гвардейских легионов. Мужчина постарше и повыше тебя, во-от с такой бородой, - Бантала чиркнула ладонью по животу, - и с глазами, как пылающие угли.

- Знаю, - Роман усмехнулся, - видел. Мне говорили, что он запрягает в свою колесницу трех лошадей, потому что паре не сvezти такую тушу...

- Враки! - Бантала разгорячилась. - Лошадей две, только очень крупных, как наши кони! И Налбат вовсе не выглядит толстым... очень представительный мужчина!

- Ты так и сказала Харамме?

- Так и сказала!

- Птичка моя, - произнес Роман, окинув спутницу нежным взглядом, чем давать советы другим, ты бы лучше присмотрела что-нибудь для себя.

- А! Твоя боевая подруга возвращается?

- Пора бы... - разведчик тяжело вздохнул.

Женщина, покосившись на его погрузневшее лицо, вдруг участливо спросила:

- Эта Гралия... она тебе очень дорога?

- Так же, как и вам всем... Я думаю, она носит мое дитя.

- Дитя... Этого мало! Может быть, я тоже ношу твое дитя... как и Кария с Пэей.

- У нее, к тому же, есть ум.

- И у нас головы не пустые!

- Да, верно. Но она мыслит иначе... так, как подобает правителю.

- Это другое дело, - Бантала задумалась, и Роман вознес хвалу Творцу, что ревность - не самый распространенный недостаток среди женщин Меоты. Впрочем, Кавасса ревновала к нему Гралию... возможно, она просто не могла смириться с тем, что теряет подругу...

- Да, это другое дело, - повторила его белокурая спутница. - Надо сказать, что я сама не чувствую тяги к государственной деятельности. По мне, куда легче и веселей взять штурмом какую-нибудь крепость или совершить ночной налет... Так ты полагаешь, - она пытливо взглянула на Романа, - что эта малышка, Гралия, может повести нас на Меот?

Разведчик кивнул. Он не держал втайне от своих возлюбленных, что должен вскоре покинуть их. Но - король уходит, да здравствует новый король! Или королева... Если четыре генеральши вместе с Тагором поддержат Гралию, в Меоте начнет править новая династия.

- Гляди! - Бантала приставила ладонь к глазам. - Нас встречают!

Навстречу колонне всадниц мчалось облако пыли - пара коней, запряженных в колесницу, блестящие щиты, сияющая бронза доспехов, алые перья над шлемами. Юный возница резко сбросил скорость, и его напарник спрыгнул на землю. Преклонив колено перед Романом, он произнес:

- Тагор, наш милостивый император, приветствует тебя, мой господин! Он велел передать, что шатры для вас расставлены, еда приготовлена, в бочках полно воды для мытья! Пожалуйста в западные ворота, - он показал рукой.

Секунду-другую Роман изучал лицо молодого воина, потом привычным жестом коснулся виска.

- Значит, говоришь, палатки для нас готовы? В западной части лагеря? Так, так... А где стоят ваши?

- Рядом, конечно, - ответил райнит, с надеждой бросив взгляд на красавицу Банталу.

\* \* \*

На широком ложе в зеленом шелковом шатре Романа спала Гралия. Он долго стоял над ней, всматриваясь в утомленное, покрытое дорожной пылью лицо видно, она гнала изо всех сил, не щадя коня. Она казалась исхудавшей и утомленной, под глазами залегли темные круги, губы как будто высохли и истончились. И все же это была Гралия! Его супруга в мире сем, его королева, самая милая и желанная из всех амазонок Меоты!

Облегченно переведя дух, Роман подошел к покрытому ковром сундуку и начал снимать оружие - осторожно, стараясь не зазвенеть металлом. Стащив через голову перевязь, он положил свой меч рядом с мечом девушки. Клинок и эфес его оружия оставались прежними, но рукоятка была заменена, теперь ею служил чеканный золотой стержень, изукрашенный рубинами, навершие которого венчала голова пантеры. Зубы ее были грозно оскалены, но сейчас, когда его меч лег около меча Гралии клинок к клинку, рукоять к рукояти - казалось, что бронзовый жеребец и золотой хищник дружелюбно улыбаются друг другу.

Он расшнуровал панцирь и снял сапоги, снова покосившись на два меча, возлежавшие на зеленом ковре, словно в супружеской постели. Клинок Гралии был в простых потертых

кожаных ножнах, его собственный в куда более богатом облачении. Золотые чеканные накладки, блеск самоцветов, шитая серебром перевязь... Как и золотая рукоять, эти драгоценные ножны были даром Тагора, признанием его заслуг... Сталь, однако, оставалась меотской.

Какое-то неошутимое инстинктивное чувство повело его руку к мечу с головкой коня. Оглянувшись на спящую девушку, он плавно потянул клинок на себя, разглядывая голубоватое лезвие, дюйм за дюймом выскальзывающее из своего кожного укрытия. Кровь... Острие на ширину двух ладоней оказалось покрытым засохшей кровью, и Роман зримо представил себе, как и куда был нанесен удар. Колющий выпад прямо в сердце - смертельный, неотвратимый...

Вот, значит, как!.. Он вернулся к ложу и внимательно осмотрел молодую амазонку. Она была босая, без доспеха, в одной полотняной под кольчужной тунике, совершенно целой и нигде не окровавленной. Колени, правда, покрывали царапины - видно, гнала через заросли или задела о камень на горной дороге. Но ран не было. Не было и синяков, которые остаются на коже после сильного удара копьём или мечом по доспеху.

Тихо ступая по застланному ковром полу, Роман подошел к вводной занавеси, выглянул из шатра и вполголоса приказал дежурившей снаружи девушке:

- Ужин, вино и ванну с теплой водой, малышка.
- Сейчас, мой господин?
- Нет, когда взойдет луна. Сейчас царица спит.
- Царица? - полукружия тонких бровей взлетели вверх.
- Царица, - он кивнул и улыбнулся. Пусть привыкают!
- Но...

Роман протянул руку и погладил девушку по мягким волосам. Она была блондинкой, как и остальные сорок семь, которых прислала Бантала.

- Скажи, детка, ты ведь хочешь вернуться в Меот вместе со своим другом? Она кивнула, чуть побледнев от волнения. - А ты знаешь, что Дасмон и его свора сделают с тобой во имя Сата-Прародителя? Снова робкий кивок. Так вот, чтобы этого не случилось, вам нужна царица. Своя! Ваша сестра и моя избранница!

- Но мы... все девушки... она оглянулась на сидевших кружком у фургона подруг, - мы думали, что ты сам поведешь нас.

- Может быть, поведу... Но она, - Роман покосился в сторону ложа, сделает это не хуже меня. Помолчав, он закончил: - Запомни, детка, и скажи всем - у вас теперь есть царица. Милостивая и справедливая Гралия, твердая, как дерево грал, из которого сделаны древки ваших копий. Она защитит вас! И она носит в чреве мое дитя...

Девушка кивнула и бросилась к подружкам. Разведчик довольно усмехнулся, провожая взглядом гибкую фигурку: можно было дать голову на отсечение, что к утру о новостях будет знать весь лагерь. Заслышав шорох за спиной, он повернул голову. Гралия приподнялась на локте и тянула к нему руки.

- Роман? О, Роман!

Он подскочил, прижал ее к себе, поглаживая каштановые локоны, вытирая слезы, неудержимым потоком катившиеся по бледным щекам. Его царица, милостивая, справедливая и твердая, как дерево грал, рыдала навзрыд. Постепенно она успокоилась в надежном кольце его рук, и Блейд разобрал невнятный шепот:

- Кавасса... Это была Кавасса, милый...

Он судорожно сглотнул. Кавасса! Лучший меч Меота!

- И ты ее?..

- Да, да, да! - Снова захлебнувшись слезами, она начала говорить: Я упрашивала ее... ради нашей дружбы... я умоляла... но она была как каменная! Во имя Сата-Прародителя и великого Дасмона - вот что она мне ответила! Приказ царя должен быть доставлен! Самозванец - обезглавлен! И тогда я взялась за меч...

- Но как ты справилась с ней? - Роман был поражен. Ему даже не пришло в голову спросить, где происходил поединок - прямо на пирсе, в гостинице или по дороге на юг, и как победительница ухитрилась уйти, поразив посланницу меотского царя в сердце. Сейчас он мог думать лишь об одном его Гралия, его малышка, была на волосок от смерти!

Девушка положила руку на живот, и ее измученное лицо внезапно осветилось улыбкой.

- Он помог мне... Теперь я уверена, милый, я знаю... прошел достаточный срок... И я билась не только за нас с тобой - за нашего сына тоже! Я была быстрее. Я вспомнила все, чему ты меня учил...

Полузакрыв глаза, она негромким речитативом начала:

- У меня нет ни жизни, ни смерти

вечность для меня жизнь и смерть

У меня нет тела

смелость станет моим телом.

У меня нет глаз

вспышка молнии - мои глаза...

Склонившись над своей королевой, Роман нежно поцеловал ее мокрые веки.